

Александр Уланов

Собирая готовность

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_338

Ларионов Д. Близость / Предисл. Н. Сунгатова

СПб.: Порядок слов, 2024. — 60 с.

«Памятливый бросок через голову? автостраду? облачный профиль? Солнце?» (с. 34). Тексту Дениса Ларионова свойственна наблюдающая неуверенность, близкая Шамшаду Абдуллаеву. Несспешная внимательность речи. «Медленно вызревает испариной вечер окраины» (с. 20). Возможно, близка исходная точка: жизнь в восточной деспотии, которая распространялась значительно дальше среднеазиатской Ферганы, оставаясь задворками. Мир даже не «не», а «ни» — не просто отсутствия, но и отсутствия вариантов, ни то, ни другое. Столкновение с невозможностью — в том числе не метафизической, а устроенной людьми.

В застывшем пространстве динамика укрывается внутри: «ломкие травы на осциллирующем взгорье, / горизонт сыпется красной июльской пылью» (с. 40). В кратком предисловии ко второй книге Ларионова М. Липовецкий писал, что читательское восприятие максимально замедлено «странными оборотами, непростым синтаксисом и ускользающими референтами»¹. Ларионов не торопится и в литературной жизни. Он не выкладывает стихи в социальных сетях, публикует их значительно реже, чем свои критические и исследовательские работы, его книги невелики по объему и нечасты (2013 и 2018 годы).

Ларионов внимательно исследует ситуацию чуждости окружающего (в котором может происходить убийство), потеряности в нем. Потери связей. Распутать, рассечь, растянуть (с. 20), расходиться, разлетаться, расплетение, растождествление (с. 22–23). Причем эти «рас, рас, рас» в одном из стихов, повторяясь, напоминают команды сержанта на строевой подготовке, задающего темп: «Раз, раз, раз, в ногу!» Герой Ларионова в ногу не пойдет — постарается сохранить связь иначе. Он регистрирует абсурдность происходящего: «на нелепой развалике столкнулись два субъективных / тела напспех обернуты машинной пыльцой быстротающих / выдохов» (с. 15). На вопрос: «что известно тебе о posttruth?», о постправде, наглой уверенности, что человеку на основе относительности истины можно скормить любую

удобную ложь, герой Ларионова отвечает: «Да ничего; свет — обратная сторона ночной смены, темно-едкого кашемира, / мне надо идти» (с. 20). Идти, продолжать жить, чувствовать ткань ночи. Не терять самокритичности. «ты — предстоящая фабрика правды, остров сгоревшей бумаги / в 3D / (как **, впавший в коммуникативный детокс» (с. 14) — одновременно ирония по поводу собственного желания говорить правду и понимание, что для этого нужно скречь прежние, да и настоящие бумаги, что это несет риск потери коммуникации. Тяжесть правды и массовая нелюбовь к ней.

1 Липовецкий М. [Предисловие] // Ларионов Д. Тебя никогда не зацепит это движение. Харьков: knxt, 2018. С. 3.

«Лучше / бы этого никогда не случилось, серьёзно: / не отношения, а военное положение, / не военное положение, а ожидание» (с. 40). Катастрофы происходят не только в обществе, но и в личном. И произошедшее не отменить, только жить с ним. Вернуться невозможно, есть только «несколько пыльных вокзальных полосок, / которые ты сейчас зачем-то смахнул» (с. 38). Исходя из книги 2018 года, И. Соколов предположил в послесловии к ней одну из задач, которые Ларионов ставит перед собой: каким образом «вобрать в себя опыт ежесекундной катастрофы, которой оборачиваются социальные интеракции, и при этом не “влипнуть” ни в риторический огонь витийствования, ни в цинический холод безоценочного регистратора»². К произошедшему обострению катастрофы герой Ларионова оказался готов. О. Балла отметила еще о первой книге Ларионова, что это «поэзия бездомности»³. Дома нет. Все под ударом. Наше укрытие — люди, которые не укрыты. При масштабе происходящего нового в нем немного. Очередной хан устраивает набег на город, люди защищаются, спасаются, стремятся жить вопреки катастрофе, при этом отчетливо понимая, что они в ней находятся: «были и будут другие войны» — рефрен на с. 42 и 43. Хан не обязательно военный, но и финансовый: неизвестно, что большее — выворачиваемое при пытке плечо тела, или выворачиваемое кредитное плечо (с. 31). «Мы вообще не думали, / что такое способно произойти» (с. 43). Урок на будущее — безгранична низость одних, не ограничиваемая другими из-за равнодушия или страха.

Противодействие — близость. Не случайно это слово вынесено в название сборника. Близость к другому человеку, к миру. Близость как не-слияние (но и не-раздельность). Как уважение. И отказ уважать тех, кто властью, насилием из близости сам себя выключил. И близость — не подчинение. «Был твоей кожей, / но больше не хочется» (с. 19). Что страны, что идеи, что близкого человека.

Автор очень содержательного предисловия к книге Н. Сунгатов обнаруживает у Ларионова отсылку к Спинозе (с. 4). Достижение свободы, согласно этому философу, возможно только через осознание своих аффектов и их причин. Эту медленную рефлексию и проводит Ларионов. Идеологии порой действуют на уровне аффектов. Кто-то ведь думает о войне лишь как о работе мышц (с. 30). И/или готов убивать и дать себя убить за чужие интересы. Но четвероякий у Ларионова все же октябрь (с. 13), а не корень закона достаточного основания, как у Шопенгауэра. У октября есть тело — из листьев, холода, тумана, потому его и можно любить. Важно взаимовлияние телесного и душевного опыта, проникновение в слушающего голосов и предметов. Трудно согласиться с М. Липовецким, что «главным объектом речи Ларионова является сама речь, ее процесс»⁴. Да и сам Липовецкий далее говорит о явлении «телесной, осязаемой и ощутимо болезненной ткани языка»⁵. Язык у Ларионова связан с действием в мире телесности, необратимости.

«думаешь — оттолкнувшись / от берега, щитого из предупреж- / дений, затрещин и выволочек, / которые нужно запомнить, / чтобы не провалиться под лёд / всех обстоятельств — ты» (с. 42). Вот реакция Ларионова. Помнить об обстоятельствах, однако основное — не они, а «ты» как другой человек и как обращение к себе, рефлексия. Не терять сложность (помня о том, что она уязвимее простого), но и не уходить в нее. Создавать и хранить близость — помня, что и она поддается фальсификации, и необходимым дополнением является ирония по поводу «управ-

² Соколов И. [Послесловие] // Там же. С. 61.

³ Балла О. Тристих // Октябрь. 2015. № 2 (<https://magazines.gorky.media/october/2015/2/rubriku-vedet-olga-balla.html>).

⁴ Липовецкий М. [Предисловие]. С. 3

⁵ Там же.

ляемой эпидемии близости» (с. 41), где лишь говорят о потребности в другом, «не в силах выгреть структуру» (там же).

К исследованию способов существования при катастрофе часто привлекается кино. Мотивы эмиграции в стихотворении «than» соотносятся с фильмом Джима Джармуша «Более странно, чем в раю», где случайность и неустроенность жизни в чужой стране, чужом городе ведут не к раю, а к повторению одного и того же. В стихотворении «памятливый бросок через...» упомянут другой вариант бегства, фильм «Холодная вода» («L'Eau froide») Оливье Ассаяса, где подростки, не принимающие мир взрослых, уходят от него — фактически в никуда. Бегство в войну, в героизм представлено в стихотворении «Зеркало для героя», отсылающем к однотипному фильму Владимира Хотиненко 1987 года, посвященному попыткам понять советское прошлое, частью признать его, именно как героическое. В фильме Хотиненко это признание ведет к петле во времени, постоянному повторению все того же дня (что перекликается с репликой одного из персонажей фильма Джармуша: «Забавно, мы в новом месте, а выглядит все точно так же»). В финале стихотворения обезумевшего от страха несостоявшегося героя «еле живого, волочат за шкирку по уцененному льду» (с. 28). А ведь его предупреждали. В стихотворение включена цитата из поэта-фронтовика Великой Отечественной Давида Самойлова о просветах стен без стекол, руинах. Если даже та победа повела к развалинам и горечи (у Самойлова далее: «Здесь в тиши накрыт наш скромный стол. / Шесть часов... Мы празднуем победу. / Но никто на праздник не пришел»⁶), то попытка сбежать из мирного времени в бюрократизированный героизм поведет только к пародии и разрушению.

Герой Ларионова не собирается перевозить с места на место внутреннюю пустоту, от которой не уехать. Не надеется на рай. Отказывается играть (в) жертвой. Не пытается отделаться от навалившегося страхом или лирикой. Дело человека — «ответить по существу. Или сопротивляться до последнего атома» (с. 37). В одиночку, в отсутствие какого-либо гаранта. Сохранять спокойствие и отсутствие пустых надежд и пустых представлений о своих возможностях. Понять и запомнить — как советует Борис Слуцкий в эпиграфе на с. 48. «Выйти из слизистой оболочки несправедливой земли / и отправиться в наступление» (с. 43). Потому что неучастие в несправедливости, отказ, выход — тоже наступление. Не потеряны стыд и ненависть. Нежность уживается с ядом, как напоминает в другом эпиграфе Павел Улитин (с. 11).

Элементы кино могут быть включены в стихотворение и не как цитата, а как, например, описание сцены (разгромленной витрины магазина одежды-обуви), костюмов персонажей — вариантов лохмотьев (с. 13). Кинематографу соответствует речь Ларионова — монтаж фраз, не связанный нормами обычного повествовательного синтаксиса. Порой динамика кино оказывается для Ларионова чрезмерной, и он обращается к фотографии. Упомянутое на с. 39 «Молоко» Джейффа Уолла — фотография, где молоко, выплеснутое из пакета вверх, разлетается хаосом брызг на фоне строгой геометрии кирпичной стены, однако не менее, чем кирпичи, зафиксировано на снимке. Замирают и герои Ларионова (там же). Это и отчаяние от бессилия, и попытка не попасть на прицел, но и пауза рефлексии, медленность внимательности.

В текст порой курсивом вставлен другой текст? лейтмотив? «ну что там / <...> / Ничего / <...> / так и есть» внутри текста об экзамене, где на вопрос «почему» следует ответить не более чем за час (с. 35). Уход от такого вопроса к тяжелой

6 Самойлов Д. В шесть часов вечера после войны // Самойлов Д.С. Поэзия. М.: Эксмо, 2023. С. 17–18.

городской бухте — тоже ответ. При понимании, что существует и болезнь тяжести. «Кажется, что-то способно вырваться, вспыхнуть, стать больше себя, / но — темнеет и не отыщаться от глупого бега» (с. 36).

Объемности текста способствует многозначность аббревиатур и иностранных слов. hr (с. 13) — human resources, человеческие ресурсы фирмы, но и human remains, останки. Такая двузначность поддерживает разговор о мире катастрофы, где то и другое не слишком разделены. BMK (с. 36) — от вычислительной математики и кибернетики до внутриматочной контрацепции. KPI — Key Performance Indicator, ключевой показатель эффективности — обнаруживается в лежании, ожидании (с. 22). Overpowered (с. 31) — и слишком сильный, и перегруженный. Coulhoir (с. 42), кроме значения русского кулдуара, чего-то потайного, сохраняет и французское «свободный проход». Впрочем, многозначность поддерживает и слова русского языка. «Слизкий рок» (с. 52) — превратившаяся в болото судьба? или сдавшаяся рок-музыка? Кто «настойчиво предлагает вину» (с. 32) — внутренний холод на языке или внешний подтаявший лед? Синтаксис Ларионова допускает обе возможности. Нет необходимости пояснять и доказывать, отнимая свободу. Отказ от точности не означает приближение к произволу.

Нередка у Ларионова тема огня: «*работа / <...> / огня / <...> / полюби и меня*» (с. 15). Внутренний огонь ярости и отказа, внешний убивающий. Огонь может быть тряпичным (с. 18) — и дымным, и согревающим. С. Сnyтко писал, что в книге 2018 года содержится «клубок причин и следствий, субъектов и объектов, внутренней и внешней речи»⁷. Теперь пришло время различия, отделения себя от чужого. Ларионову свойственно недоверие к избытку значений, к смысловому смещению (с. 25) — оправданное, если это смещение используется для posttruth — но, с другой стороны, избытком и смещением тоже держится сопротивление прямой смысловой нищете. Важно отличать, куда смещение ведет. Герой Ларионова слушает шум, оставаясь в нем собой, не позволяя шуму поглотить человека.

О слишком многом нет смысла говорить, потому что это и так ясно для тех, кто думает, и отгорожено стенкой от тех, кто упростил себе жизнь безмыслием. «о чем следует промолчать, / о том следует помолчать» (с. 58) — так меняются слова Витгенштейна во время катастрофы. «Выплести воздух в июле, выбить из колеи холод на языке, выварить речь, / быстро бросить в скользкие вены песок из предместных камней» (с. 20). Сохранять взаимодействие с миром в его сложности. Нужно помнить, что все наши действия и разговоры на фоне убийц, ран и развалин. Однако область убийств — только часть мира. Конечно, имеет значение, когда она наползает на кого-то или на тебя самого, но она не должна заслонять весь мир. Если мы живы — будем продолжать быть собой. Еще в первой своей книге Ларионов сопоставлял рану с ростом: «Насквозь? Навырост»⁸.

7 Сnyтко С. Mise en geste // Новое литературное обозрение. 2019. № 155 (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20669/?ysclid=m2h7xv7izg346898070).

8 Ларионов Д. Смерть студента. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2013. С. 8.